

ОРЛОВСКИЙ Г.Ю. РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ – ПРИНЦ

Часть 1

Глава 1

Ярко-синее небо, просто пугающе бездонное, под ним свежая зелень холмов и долин, что издали выглядит упавшим с небес огромным куском бархата светло-изумрудного цвета, накрывшим полмира, а дальше астрономически медленно сдвигается огромная тень от крохотного облачка, открывая такой же яркий, радостный мир.

Арбогастр вынес меня на вершину зеленого холма, откуда открылся захватывающий вид на роскошную долину. Среди зелени десятки, если не сотни разноцветных шатров, похожих на дивные цветы, готовые распуститься, у всех заодно остроконечные купола, устремленные к солнцу.

А за лагерем, отделенные зеленой полосой в несколько десятков ярдов, гордо и красиво поднимаются строгие серые стены умело выстроенного города-крепости.

С вершины холма видно, что обнесен высокой и достаточно толстой стеной со всех сторон, почти ровное кольцо, двенадцать башен, а в самом городе высятся множество высоких каменных домов. Дворец герцога в центре, вокруг – площадь с роскошным садом, это как обычно в столицах герцогств и королевств...

Бобик то садился, то вставал и смотрел на меня с недоумением в больших коричневых глазах.

– Вперед, – сказал я наконец, – только не вздумай захватывать Истанвил в одиночку.

В лагере нас заметили, когда мы уже ворвались в его расположение. Знатные рыцари и простые воины одинаково вскидывали закованные в стальные рукавицы кулаки и потрясали над головами, воздух сотрясали ликующие вопли:

– Ричард!

– Ричард с нами!

– Ура Ричарду!

Я щедро улыбался и, красиво откинувшись слегка корпусом, двигал из стороны в сторону над головой ладонью с умеренно растопыренными пальцами.

По ту сторону лагеря с небольшого холма группа военачальников на конях смотрит с холма на высокие стены спокойно и деловито, переговариваются с таким видом, словно обсуждают, что будет на обед, а что лучше оставить на ужин.

Заслышав характерный грохот копыт тяжелого арбогастра, все повернули головы. Будакер, Альбрехт, Растер, Палант, другие знакомые лица, я помахал рукой и сказал громко:

– Без церемоний, мы на войне!.. Что тут нового?

Будакер ответил, все-таки поклонившись чуть-чуть:

– Все новое, первые наши части прибыли сюда только вчера. Сегодня перекрыли все дороги.

– Что с Истанвилом?

– В полной изоляции, – доложил он скромно. – Можно приступать к осаде или штурму, это как изволите, ваше высочество.

Альбрехт коротко усмехнулся, но промолчал. Я молча рассматривал город. Истанвил, как его называют местные, столица герцогства, запер все крепостные

ворота, на воротах и стенах, помимо воинов, сейчас торчат жители. Женщины из числа простолюдинок беснуются особенно яростно, визжат и делают в сторону подступивших войск непристойные жесты, дескать, будем защищать свой город до последней капли крови.

– Где армия Меганвэйла?

– Перекрывает все подходы с северо-запада, – доложил Будакер.

– А та Победоносная, которую вел граф Альбрехт?

– Она, возглавляемая Шварцкопфом, заняла все дороги с северо-запада – муха не пролетит!.. Ну а мы перекрыли все пути со стороны юга.

Я кивнул.

– Прекрасно. И что, истанвилцы в самом деле готовы к осаде?

Он кротко усмехнулся.

– Да, ваше высочество. Стены высокие, а гонцы скачут быстрее, чем двигалась наша армия. Успели, думаю, и воинов из окрестных земель созвать, а еще запастись продовольствием.

– Им же хуже, – буркнул я. – Чем больше народа, тем скорее все пожрут.

Пошлите им парламентаря... нет, просто гонца с требованием немедленной сдачи на милость победителя.

Он взглянул искоса.

– Сразу вот так?

– Именно, – сказал я. – Выполняйте.

Он поклонился.

– Ваше высочество...

Я повернул Бобика в сторону лагеря, не удостоив город больше взглядом, хотя, конечно, поразглядывать еще как хочется, но надо вести себя, как положено крупному полководцу, одерживающему победу за победой.

Со мной отправились Палант и Растер, еще я взглядом велел Альбрехту присоединиться к нам – нечего помалкивать многозначительно, знаем таких помалкивателей.

Довольный, как стадо слонов, Растер ехал стремя в стремя, зычно покрикивал, чтобы дали дорогу, хотя воины узнают меня издали и провожают восторженными воплями до самого шатра на небольшом возвышении в центре лагеря.

У приоткрытого полога, чтобы проветривалось, стоят улыбающиеся Хрурт и Ульман. Этих я послал вперед, остальные подтянутся попозже, – вечная беда правителя, что передвигается намного быстрее своих телохранителей.

– Я не слишком долго? – спросил я и, не дожидаясь ответа, соскочил на землю и снял Лалаэль, вроде бы нечаянно откинув капюшон с ее головы.

Её волосы засверкали чистейшим золотом. Даже у бедного Паланта отнялся язык, а Лалаэль, пугливо глядя под ноги, торопливо шмыгнула в шатер.

Толстый слой ковров и звериных шкур на полу, широкое ложе, явно учли эту молчаливую эльфийку за моей спиной, длинный стол и три такие же длинные лавки – ничего лишнего, разве что настоящий, хоть и грубо сколоченный трон с высокой спинкой, на самом верху грубо и неумело вырезано нечто страшное геральдическое...

Бобик побегал, все обнюхал и выскочил. Эльфийка зыркнула на не сводящего с нее взгляда Паланта, села на краешек лавки и опустила голову, снова укрывшись капюшоном.

– Есть новости, ваше высочество, – проговорил Альбрехт очень тихо.

Я насторожился, быстро посмотрел по сторонам.

– Говорите, граф.

Он сказал почти шепотом:

– По вашему указанию всюду собирают сведения об императоре Карле, но их на удивление мало. Известно только, что никаких особенных военных приготовлений не ведет.

Я кивнул.

– Прекрасно. Хоть и непонятно.

– Еще стало известно, что он ищет пропавшего сына. Странно, что слухи начали распространяться так поздно, а пропал он вроде бы давно, не находите?

Мне показалось, что смотрит чересчур подозрительно, буркнул:

– Продолжайте, граф.

– Сотни лучших следопытов, – сказал он, – и разного рода искателей разошлись во все стороны. Думаю, ваше высочество, там не обошлось без могущественной магии. А вы как думаете?

Я ответил сердито:

– Нет, почему ты так думаешь?

Он пояснил значительно:

– Любого похитителя проследили бы сразу. Где на коне, где на телеге, в каком трактире останавливался пообедать, а если в лесу, то вот пепел от костра, сломанные ветви. Даже дракона бы заметили и проследили!

– Гм, – сказал я, – спасибо за сведения, дорогой граф. Про сына мне неинтересно, а вот что Карл пока не собирает войско... это великое облегчение.

– Ваше высочество...

Я отмахнулся.

– Давайте, граф, без церемоний, когда никого нет.

Он взглядом указал на эльфийку. Я сделал большие глаза, мол, это же вообще женщина, что она понимает, и он, усмехнувшись, вышел.

Я торопливо насоздавал деликатесов, Лалаэль смотрит огромными глазами (как я люблю, когда так на меня смотрят!), и хотя сейчас таращится на стол, но это все равно на меня, такого могучего и замечательного.

– Покажи, – сказал я, – что ты не беззубая старуха!.. Нет, ты за столом покажи. А что умеешь кусаться, я уже помню.

Она огрызнулась писклявым голоском:

– Я тебя еще не кусала!

– Ага, – сказал я, – призналась, что собираешься...

Вошел Будакер, остановился у порога.

– Барон? – сказал я.

– Ваше высочество, – ответил он.

– Барон, – сказал я, – какие-то новости по Истанвилу?

– Замечено шевеление, – доложил он. – У городской ратуши собирается народ.

– Почему не у дворца герцога?

Он пожал плечами.

– Не знаю. Может быть, сэра Утальд скажет?.. Позвольте?

Я кивнул.

– Давайте.

Он приоткрыл полог, кивнул, и через минуту вошел ладный подтянутый сотник его армии, поклонился.

– Сэр Утальд, – сказал я.

– Ваше высочество, – произнес он почтительно.

– Сэр Утальд, – сказал я, – барон Будакер называет вас глазами и ушами его победоносного войска. Что нас ждет в этом противостоянии?

Он развел руками.

– На самом деле, ваше высочество, не было времени, чтобы узнать что-то важное. Вот только герцога Блекмора что-то не видно вовсе, а его знамя с башни дворца исчезло прямо перед прибытием наших войск. А еще говорят, что под их городом есть другой город. И живут в нем не люди.

Я вскинул брови, ожидая разъяснений, а сэр Утальд продолжал жадным голосом:

– Говорят, там внутри все из золота! Посуда, ложки, даже столы и лавки!

Будакер буркнул:

– До чего же все неудобное... Такую лавку и не сдвинешь.

– А это чтоб не дрались ими, – пояснил Утальд. – Там даже стулья золотые, таким не шарахнешь соседа по голове за то, что тот раньше тебя окорок ухватил. А сколько там драгоценных камней...

Будакер сказал скептически:

– А я бы их и брать не стал. С ними возиться, перепродавать, обязательно обжулят. Выгреб бы просто все золотые монеты из шкатулок, сундуков, мешков...

Я хлопнул ладонью по столу.

– Тихо-тихо! Может, там никакого города нет, а вы уже сокровища выгребаете. А если и есть, то вам те местные... которые не люди, так и дадут взять. Давайте лучше подумаем, как...

За шатром быстро простучали подошвы, в щель просунулась голова Хрурта.

– Ваше высочество, – крикнул он, – из города выходят знатные люди! Целая колонна!..

Я быстро поднялся, а Будакер крикнул сорванным голосом:

– Быстро сюда шелка, бархат... Черт, не успеваем!.. Ладно, задержите их там...

Я торопливо вышел вслед за Хруртом. Рыцари на конях и пешие воины поспешно выстраиваются в две длинные шеренги. Чем ближе к моему шатру, тем выше по титулу и знатнее по роду, а за два десятка ярдов от него только графы, бароны и виконты.

– Ладно, – сказал я недовольно, – ламбертинцы доберутся сюда еще нескоро. Давайте пока пройдемся по лагерю, сделаем вид, что понимаем что-то в этом деле.

Он усмехнулся: обсудить в самом деле есть что, тут же заговорил о выдвигании легкой кавалерии на границы герцогства, да не воспользуется никто из соседей, чтобы отхватить кусок...

Мы сделали полный круг, когда за нами прибежал гонец и сообщил, что его высочество уже ждут...

Трон за это время укрыли наскоро настеленными красными, пурпурными и багряными шелками и бархатом. Не только сиденье и на подлокотники, но укрывают даже высокую спинку, где хищно растопырил крылья неведомый зверь.

От трона теперь протянута дорожка из красного бархата на пять ярдов, придавая особую торжественность моменту.

Я опустился на трон и начал ждать. Барабанщики по сигналу проббили дробь, а затем простучали нечто парадно-возвышенное, но когда вельможи Истанвила подошли к краю дорожки, разом подняли палочки и застыли в ожидании.

Лорды столицы, как я заметил, при всей обязательной невозмутимости то и дело бросают острые взгляды по сторонам. В диковину, как понимаю, и ровный строй солдат с копьями, острия смотрят в небо, и ни одно не колыхнется, и этот странный музыкальный инструмент, в самом деле так подходящий для войны...

И еще весьма странно, рядом со мной сидит на простом стуле, но с высокой спинкой, самое удивительное существо, какое они могли только представить: с копной пышных волос из настоящего золота, что роскошно падают на плечи и спину, но не скрывают кончиков торчащий ушей, нежно-розовых, как леденцы. Никто никогда не видел таких крупных и чуточку удлинненных к вискам глаз, наполненных чистой голубизной, которую наполовину скрывают длинные пушистые и загнутые ресницы.

Лалаэль сидит царственно, только я знаю, насколько жутко этой мышке в обществе множества больших и страшных человек, а я откинулся на спинку трона, руки возложил на широкие подлокотники, (нужно выглядеть властным, надменным и жестоким), но Растер подал мне меч и показал взглядом, что это уместнее.

Я упер острие в покрывающий пол бархат и смотрел прямо и непреклонно. Их пятеро, во главе упитанный вельможа в камзоле из темной ткани, однако весь в золотых нитях шитья, толстая золотая цепь свисает на грудь и держит тяжелую двенадцатиконечную звезду размером с блюдце.

При всей его дородности и заметно выпирающем животе, лицо узкое и странно худое, желтое, под глазами темные мешки в три ряда.

Рядом с ним, чуть отступив на шаг, граф Дэниэл Чарльз, лорд Кандорска и Святой Пустоши, а также он еще и глава заговорщиков, обещавших отстранить герцога от власти.

Остальные, на мой взгляд, просто знатные вельможи, не чувствую, чтобы чем-то выделялись, весомы только знатностью рода, связями и близостью ко двору.

Сэр Ульрих поглядывает на меня как-то странно, иногда бросает беглый взгляд на графа Дэниэла Чарльза, так подло предавшего своего господина...

Я кивком подозвал его и сказал вполголоса:

– Ульрих, мне было видение от Самого, я должен быть гуманистом и соблюдать базовые либеральные ценности, увы. Это значит – простить графа, который почему-то больше радеет о стране, чем о предавшем страну человеке на троне.

– Ой, – сказал Ульрих устрaшенно, – я бы, наверное, умер от одного только появления ангела!

– Я не такой уж большой грешник, – сказал я кротко и перекрестился, возведя очи горе. – К тому же ко мне ангелы и так постоянно слетаются, как гуси, со всякой ерундой... Так что примите графа, это необходимый кирпичик в стене, что укрепляет наши силы!

Он поклонился, а я перевел вопрошающий взгляд на прибывшую делегацию. Старший поклонился с достоинством и замер, глядя на меня с ожиданием.

– Лорды, – проговорил я холодно.

– Ваше высочество, – ответил узколицый. – Я лорд Джонатан Гилфорд, Хранитель Большой Печати, это вот лорд Унгвуд Маутбеттен, он занимался канцелярией герцога Блекмора; лорд Камберлендский – старший конюший; граф Дэниэл Чарльз отвечает за военные силы, а это Лизен Баттенберг – мой помощник.

Я кивнул.

– И что привело вас к нам?

– Это наш город, – ответил лорд Гилфорд сдержанно, – и даже герцогство. Это вас что-то привело к нам.

Я задержал дыхание и напрягся, стараясь, чтобы лицо начало багроветь, а голос получился слегка хриплым, будто вот-вот задохнусь от ярости, как злой пес, что старается сорваться с цепи и перекусать всех на свете:

– Вы знаете, что меня привело!.. Ваш герцог подло и бесчестно схватил мою законную супругу и бросил ее в темницу!.. Это неслыханно, все короли, что услышали, предложили мне помощь!.. В моей армии сейчас войска и Шателлена... взгляните вон на тех лордов!

Глава 2

Барон Джижес Крейст, дядя герцога Мидля, выпрямился еще больше и злобно оскалился, граф Уильям Ланкашнер тоже показал зубы в волчьей ухмылке, барон Томлинсон, властелин земель Беркли, с укором покачал головой, а виконт Кэвин Майкл вообще смотрит с недоумением: а почему бы этих пособников герцога не повесить за злодеяния их сюзерена?

Они стоят хоть и под своими родовыми знаменами, но с ними и общее знамя Шателлена, что должно было быть заметным еще со стен крепости.

Лорд Гилфорд вздрогнул и повернул голову ко мне.

– Мы не знаем мотивы поступков герцога, – произнес он осторожно, – нас больше беспокоит...

Я прервал надменно:

– Разве это не умаление моего достоинства, что на переговоры вышел лорд Гилфорд, а не герцог Блекмор?..

Лорд поклонился, я почти услышал, как хрустят позвонки его заостренного хребта.

– Ваше высочество, – произнес он тихо, – его светлость герцог Эсмунд Блекмор срочно отбыл из города.

Я надулся, слушая удивленный, а затем и гневный ропот своих лордов, выждал и сказал громко, наливаясь державным гневом:

– Куда?.. Почему?.. Разве не долг сюзерена защищать свой стольный град?..

Он ответил так же тихо:

– Подданные не могут обсуждать действия его светлости.

– Прекрасно, – ответил я с тяжелым сарказмом. – Очень послушный народ у герцога!.. И что же, он передал вам полномочия?

Он почал головой.

– Нет, ваше высочество. Но, как лорд-хранитель Большой Печати, я просто обязан...

Я поднялся во весь рост, раздулся, как морской еж, что пугает этим обитателей дна, когда сам перепуган до полусмерти, и сказал громко, едва-едва не срываясь в праведном гневе, все видят, на державный крик:

– Как оставшиеся на месте представители исполнительной власти, вы прикажете немедленно открыть городские ворота!

Он вздрогнул, побледнел, остальные из его делегации склонили головы и не поднимают в страхе, но лорд Гилфорд нашел в себе силы проговорить с трудом:

– У меня нет полномочий сдавать Истанвил.

Я прорычал:

– Вы собираетесь сражаться?

Он поклонился и ответил дрожащим голосом:

– Ваше высочество... это наш долг.

– Долг, – сказал я с тяжелым сарказмом. – Долг защищать город против трех армий?.. Когда нет надежды, что придет помощь?

Он взглянул мне в глаза прямо и бестрепетно:

– Да, мы погибнем, ваше высочество. Но мы исполним свой долг. И нашим детям не будет стыдно за своих родителей, защищавших родной город до последней капли крови.

Я уловил, что на посланцев начинают поглядывать с сочувствием, такие нравятся всем, мне тоже, люди чести – это люди чести.

– Хорошо сказано, – проговорил я зловеще, – но давайте и я кое-что скажу. Людьями я дорожу, как своими, так и вашими. Потому две армии сейчас блокируют все замки и крепости в герцогстве, так что никто к вам не явится на помощь, а третья – перекрыла все ходы-выходы из вашей столицы. Сегодня вы можете открыть все ворота и сдать ее на мою милость, и ни один житель города не пострадает...

Он поинтересовался кротко, но с прежней твердостью, хотя я вроде бы уловил в его тихом голосе некоторую неуверенность:

– А если не сдадим?

– Завтра заплатите тысячу золотых монет, – сказал я, – это всего лишь оплата армии, что осаждает столицу. Послезавтра заплатите уже две тысячи. Это плата за ваше возможное упрямство. Если же не захотите открывать ворота и дальше... что ж, вам придется за каждый последующий день уже платить сперва по три тысячи, потом по четыре...

Он спросил почти язвительно:

– Позвольте поинтересоваться, почему такие суммы?

– Потому что я буду рассержен, – пояснил я.

– Но если наступит такой день, – спросил он, – когда сумма станет... невыплачиваемой?

Все затихли и ждали моего ответа. Я ответил спокойно и даже равнодушно:

– Я разрушу город. Не оставлю ни единого здания целым. Всех мужчин предам мечу, а женщин выгоню, пусть уходят в другие места. На месте Истанвила будет пустошь, имя его будет проклято, как и тех дураков, что допустили такое.

Он отшатнулся.

– Что? Это... это невозможно!

– Почему? – спросил я.

– Это же дикость!

– Это результативность, – сказал я холодно. – Сколько в Истанвиле жителей? Вряд ли больше десяти тысяч. Я гораздо больше людей потеряю, своих и ваших, если начну завоевывать все герцогство силой. А так, представьте себе, ужасная весть распространяется, подобно кругам после брошенного в тихий пруд камня... и что дальше?

Он, бледный как смерть, спросил дрожащим голосом:

– И... что... дальше?

– Города наперебой сдаются, – сказал я. – Распахивают ворота и стелят в воротах красные дорожки из лучшего шелка. И нет больше убитых. Нет даже раненых! Ни моих, ни ваших. Вам не кажется, что это совсем небольшая цена за

один разрушенный город? Даже крохотная? Остальные получу практически даром.

Он смотрел на меня и, я видел, не знает что сказать, а я изогнул губы в зловещей улыбке победителя, которому только дай повод, чтобы убивать, истязать и разрушать.

Альбрехт кашлянул, взглянул на меня с вопросом в очень серьезных глазах.

Я буркнул:

– Говорите, граф.

Он поклонился, заговорил очень мягко, словно гладил большую толстую и разнеженную кошку:

– Может быть, нашим дорогим гостям организовать прогулку в южную часть нашего лагеря, где расположились тролли?.. Это ударная сила нашей армии. Они первыми ворвутся в пролом, а по праву войны им и отдадим город на трое суток в полную власть...

Лорд Гилфорд и все истанвилцы быстро и страшно бледнели. Один из вельмож вообще пошатнулся, лицо стало зеленым. Его поддерживали со всех сторон, не давая позорно грохнуться на землю.

Лорд Гилфорд проглотил ком в горле, во взгляде впервые проступил панический ужас.

– Мне нужно переговорить со старшинами города, – проговорил он бледным голосом.

Я милостиво наклонил голову.

– Поговорите. Но запомните: не будут ваши дети и внуки говорить о вашей достойной гибели! Когда в ваши дома ворвутся мои люди, там будут уничтожены все до единого. Даже слуги, а уж ваши отпрыски – в первую очередь... Все, идите!

Они поклонились, отступили, а я замер в державной позе и смотрел поверх их голов, пока они все не скрылись из виду.

Растер довольно и хищно улыбался, как волк размером с носорога, затем бросил беглый взгляд на замершую эльфийку, пренебрежительно фыркнул и вышел.

Альбрехт подошел к пологу и опустил его, оставшись внутри, повернулся ко мне, лицо все такое же спокойно-невозмутимое, однако в глазах промелькнуло нечто, что мне совсем не понравилось.

Я кивнул эльфийке – можешь, дескать, больше не изображать, она тут же слезла и села рядом с Бобиком.

Альбрехт встретил мой прямой взгляд с той же настороженностью в глазах.

Я спросил сердито:

– Ну, что?

Он развел руками и проговорил с непривычной для него неуверенностью в лице и голосе, но, как мне показалось, нарочитой:

– А что... если бы столица не сдалась?

Я пожал плечами.

– Непонятно?

– Нет, – ответил он. Я посмотрел и ощутил, что он в самом деле не уверен, как бы я поступил. – Абсолютно.

Я поморщился.

– Граф, ну что вы, в самом деле... Конечно же, это был блеф. Но чертовски хороший, не находите?

Он кивнул.

– Даже слишком. Я поверил и, думаю... не зря.

Я насторожился, посмотрел в его строгое и подчеркнуто бесстрастное лицо.

– Что вы хотите сказать, граф?

– Что вы в самом деле готовы такое совершить, – проговорил он медленно... Глаза его продолжали всматриваться в меня с прежней интенсивностью. – А это точно... был блеф?

Я крикнул зло:

– Точно-точно!.. Думаете, я в самом деле способен на такое? Кстати, спасибо за очень уместное упоминание о троллях.

Он медленно кивнул.

– Думаю, вы бы так и поступили?

Я едва не сплюнул.

– Граф!

– Может быть, – проговорил он задумчиво, – не сейчас... Но вы говорили очень серьезно и убедительно. Очень. Если даже я поверил...

– Всего лишь блеф, – сказал я внятно. – Все, граф, а то меня это начинает несколько... удивлять. Я имею в виду, что вы перестаете меня понимать! Это была всего лишь маска!

Он кивнул и отступил.

– Да-да, маска. Только смотрите, чтобы не приросла.

Он чуть поклонился и вышел. Полог за ним давно опустился, но я продолжал смотреть вслед зло и чувствовал, как сильно и тревожно бьется сердце. Барон, тьфу, граф либо перестает меня понимать, либо продолжает понимать даже лучше, чем я себя сам. Все-таки, когда предъявлял ультиматум, я говорил совершенно искренне, хотя и врал.

А сейчас сижу один, если не считать Бобика и эльфяшку, и холодный страх начинает проникать во внутренности, где овеществляется в тяжелую льдину.

Все, что я говорил, правда. Если со звериной жестокостью уничтожить сопротивляющийся город, остальные наверняка сдадутся. И я это говорил очень убежденно.

«Переговорить со старейшинами города» – это лишь для спасения гордости и чести, это понимали и мы, и сами истанвилцы понимали, что мы понимаем. В той мере, в какой это возможно в данном случае.

Через несколько часов городские ворота распахнулись, оттуда выехала на довольно мелких конях большая группа вельмож.

Палант закричал:

– Охрана!.. Подготовиться!

– Они без оружия, – сказал я. – И, как я вижу, из прежнего состава только лорд Гилфорд и граф Чарльз. Остальные предпочли увильнуть.

– Может быть, – сказал Палант нерешительно, – помурьжить их в ожидании? Дескать, наш лорд отдыхает или в кости играет с эльфийкой?..

Альбрехт фыркнул:

– Тогда уж с троллями, что пришли с сэром Растером! Это звучит страшнее. Пусть потрясутся, что вы все-таки решили разграбить город...

Я отмахнулся.

– Победители не должны быть мелочными. Я приму их прямо сейчас.

Альбрехт промолчал, а Палант крикнул весело и звонко:

– Подготовить трон!.. Выстроить солдат!.. Лорды...

Они приблизились под бодрую дробь моих барабанов, все с белыми флагами, с лордом Гилфордом все так же четверо, эти все намного ниже рангом, видно по одежде, знатные постарались не участвовать в позорной сдаче города без боя.

Лорд Гилфорд приблизился, в руке кольцо размером с обруч десятиведерной бочки, десяток ключей каждый в десять дюймов длины, преклонил колена, поклонился и так пребывал довольно долго, словно не мог поднять голову и сказать то, что не позволяют гордость и честь рода.

Я ждал, хотя среди моих лордов пошел недовольный говор, наконец Гилфорд вскинул голову.

В лице его читались боль и страдание, а когда заговорил, мы все ощутили, как дрожит от сдерживаемых слез голос:

– Ваше высочество, вы одержали победу.

Я наклонил голову.

– Благодарю за признание.

– Я обращаюсь к вам, – сказа он вздрагивающим голосом, – как представитель Истанвила... и сообщаю, что вот ключи этого великого города, что передаю вам.

Он протянул связку, рука заметно дрожит, а лицо подергивается, лорд Гилфорд уже с трудом удерживается от рыданий.

Я не шелохнулся, но граф Альбрехт приблизился, взял ключи и сказал с холодной вежливостью:

– Лорд.

Когда он отошел и встал рядом с моим креслом, Гилфорд продолжил тем же рвущим душу голосом:

– Ваше высочество, я прошу вас быть милостивым к жителям, а также к тем, кто защищал город, и позволить им покинуть его без оружия и с тем имуществом, что унесут на себе.

– Позволяю, – ответил я как можно равнодушнее, но тут же добавил: – Хотя зачем? Мы никуда не уходим, пока не будет возвращена моя дражайшая супруга Ротильда Дрогонская, королева Мезины!.. А герцог Блекмор должен быть сперва наказан по всей строгости рыцарского суда. Жителям абсолютно ничего не грозит. Грабежей не будет, это обещаю. В город вообще не будут входить войска... так, во избежание. За исключением, конечно, людей благородного сословия.

Он поклонился, на лице проступило огромное облегчение.

– Благодарю, ваше высочество, от всех жителей города.

Я кивнул.

– Идите. Вы убедитесь, что с нами можно иметь дело.

Когда они ушли, Альбрехт повернулся, взглянул на меня в упор.

– Надеюсь, вам не приходит сумасбродная идея побывать в Истанвиле... а то и поселиться во дворце?

Я проговорил задумчиво:

– А почему бы и нет?

Он фыркнул.

– Дворец любого правителя напичкан ловушками, которые бездействуют в нужное время... и могут сработать в остальное. Думаю, герцог, как бы спешно ни покидал дворец, мог оставить много пакостей для захватчиков.

– И что вы предлагаете?

Он чуть откинулся, чтобы посмотреть на меня свысока, что при его росте вообще-то задача непростая.

– Разумеется, остаться в этом шатре, что и не шатер, а дворец!.. Уже и трон тут, с ума сойти...

Я вздохнул, посмотрел на притихшую эльфийку, покачал головой.

– Власть нужно не только захватить, дорогой друг! Важнее показать, что держу ее вот так!

Он покосился на мой сжатый кулак.

– Вижу. Не передуйте всех.

– А кто будет платить налоги? – спросил я. – Потому всех телохранителей во дворец, а также монахов и алхимиков. Сутки на подготовку, проверку и обезвреживание, а завтра гордо воссяду там и...

– Что?

– Узнаете, – ответил я загадочно, – дорогой мой придирчивый соратник!

Как я и обещал, в город вошли только рыцари, а все три армии не просто остались за воротами, а даже рассредоточились, небольшими отрядами начали распределяться по дорогам, взяли под охрану мосты и переправы.

Все герцогство не успело и опомниться, собраться для отпора, как оказалось расчленено клиньями вторгнувшихся войск. По моему указанию любое сопротивление подавляли сразу, в зародыше, ибо лучше сразу пролить малую кровь, чем чуть позже – большую, в том числе и свою.

Дворец герцога, к счастью, хорошо укреплен сам по себе, а еще высокая ограда вокруг обширного сада, что лишь называется садом, а так там лишь клумбы с цветами и низкорослый декоративный кустарник – нечего и думать, чтобы спрятаться.

Сперва, как и водится, вошли священники, очистили молитвами и святостью, затем поработали чернокнижники, вежливо называемые алхимиками, и последними пришли мои телохранители, что все перещупали, перетрогали, подвигали мебель и попрыгали на ложе, где спал герцог и где наверняка лягу я.

Герцог то ли был человеком со вкусом, то ли это сделали до него, но дворец в самом деле хорош, а апартаменты, оборудованные для него лично, поражают роскошью и хорошей отделкой, где все на месте и ничего лишнего, хотя золотых вещей, статуй и картин вообще-то в каждом из залов десятки.

Лалаэль пугливо обходила статуи громадных рыцарей, шарахалась от оскаленных морд медведей и вепрей, что смотрят со всех стен, наконец, совсем притихшая, присела в личных покоях герцога за стол и сказала жалобно:

– Неужели вы в таком ужасе живете?

Я сказал бодро:

– И в аду, когда обживешься, так совсем ничего!.. Не трусь, тебе здесь понравится. Смотри, как тихо, мирно и безопасно. В коридоре, можешь выглянуть, самые сильные и отважные воины, что охраняют нас с тобой!

– Тут даже стены страшные, – сказала она сердито. – Они же из камня, можешь себе представить?

– Правда? – спросил я пораженно. – Ух ты, в самом деле... Надо же! Ладно, привыкнем.

Глава 3

В одном, правда, мое обещание пришлось нарушить: в помощь городской страже я велел патрулировать улицы и нашим орлам, но рыцари скорее умрут, чем будут заниматься такой работой, потому около тысячи тяжеловооруженных пехотинцев было поручено блюсти мирный сон города.

С другой стороны, никакого нарушения, я обещал, что простые воины не войдут в город, имея в виду для развлечений, драк и грабежа, а вот так – это просто единицы по поддержанию правопорядка.

В Истанвиле, как и в любом другом крупном городе, всегда существуют преступники. В такое время воришки и грабители оживляются, что для меня весьма кстати.

На другой день, когда мы с Альбрехтом намечали планы насчет будущего герцогства, Растер ввалился, тяжелый, как вставший на задние лапы носорог в до-спехах, перепугав эльфийку, и с удовлетворением доложил, что наши поймали воришек даже больше, чем городская стража.

– Прекрасно, – сказал я. – Просто прекрасно! Всех повесить на городской площади. Если не поместятся на старой виселице, срочно поставить новую, по-красивше.

Альбрехт тяжело вздохнул, поморщился. Растер посмотрел на него, потом на меня исподлобья.

– Сэр Ричард?

– Мы за прогресс и культуру, – объяснил я, – так что вешать придется много. И часто.

Он хмыкнул.

– Ну, если за культуру... А что графу не так?

Альбрехт снова скривился, я сказал презрительно:

– А он этот... интеллигент...

Альбрехт буркнул:

– Стоит ли показывать нас такими жестокими?

– Нужно, – подчеркнул я. – Обязательно. Во-первых, простой народ просто обожает, когда вешают, а не сажают. Когда повесили, всем понятно – больше воровать не будет. Все четко и понятно. Народ любит четкость. Кроме того, мне нужно выглядеть не просто строгим отцом народа, но еще и хотя бы на несколько дней просто кровавым деспотом, которому слова поперек не скажи.

Растер смолчал, но Альбрехт переспросил:

– Кровавым деспотом? Зачем?

– Кровавых деспотов, – объяснил я, – народ все равно любит и уважает. Почему – не знаю. Сперва я думал, что тиран на троне обычно душил лордов, а народ злорадствует, но вспомнил, что тех, кто душил точно так же и простых... и все равно и чтут, и славят.

Растер сказал:

– Так я пойду распоряжусь. Вы правы, сэр Ричард, город надо чистить. И вообще все страны.

Альбрехт подождал, когда за ним захлопнулась дверь, спросил с подозрением:

– Так зачем?

– Кое-что подготовил, – ответил я туманно, – а пока, дорогой Альбрехт, ввиду того, что вы быстрее всех находите общий язык с туземным населением, подберите из них хотя бы с полдюжины лордов, что коронуют меня.

Он охнул, отшатнулся, но затем так широко заулыбался, что это уже и не Альбрехт, а какой-то подменыш.

– Ого, наконец-то!
– Эрцпринцем, – договорил я. – Или... принцем. Пока думаю, еще не решил. Вопрос же важный, как думаете?
Он скривился, словно вместо вина хлебнул крепкого уксуса.
– Кем-кем?
– Что-нить принцевое, – ответил я. – Думаю, этого будет вполне весьма.
– Как скажете, ваше высочество, – ответил он с ехидной смиренностью. – Но... что-то случилось? Раньше вы не проявляли такого влюбленного пыла. А тут вдруг сами возжелали титул повыше, мантию погорностаивее...
– Надо, – отрубил я. – Ветер времени. И зов эпохи.
– Но мы можем, – предложил он, – и сами вас это... нет-нет, что вы так глазками! Я имел в виду коронацию. Три армии!.. Не только эрцпринцем, но даже... да кем восхотите!
– Местные тоже должны участвовать, – пояснил я. – Во-первых, любой принц повыше их герцога, а во-вторых... Кстати, а почему тут только герцоги, а никто никогда не объявлял себя королем?
– Какое-то заклятие, – ответил он равнодушно, – или проклятие, не помню. Слышал давно и краем уха. Так что во-вторых?
Я сказал мстительно:
– Узнаете после коронации.

Дворец герцога строился и совершенствовался, как заметно невооруженным глазом, на протяжении многих поколений. Так обычно и бывает, жизнь идет неторопливо, соборы вообще строятся по несколько веков. Эту неторопливую поступь я видел не только в некоторых деталях архитектуры, но больше чувствовал по уюту.

В то время как в большинстве королевских дворцов гуляют сквозняки, а зимой жизнь сосредотачивается в двух-трех комнатах, которые легче отапливать, здесь во всем громаднейшем здании с десятками залов и сотней комнат всегда тепло и сухо, а магический свет медленно загорается с наступлением сумерек и ярко горит всю ночь.

В первую же ночь я обнаружил свечи только в спальне, здесь освещать или не освещать – твое дело.

Интересно, что в верхних этажах, куда должен бы подниматься прогретый воздух снизу, он такой же и по свежести и чистоте, как и на первом, что значит, многие поколения что-то да добавляли к уюту.

Эльфийка ходила за мной, как цыпленок за мамой, всему изумлялась, но сама страшилась заглянуть даже в приоткрытую дверь.

– Ты, – повторял я настойчиво, – здесь хозяйка. Не гостья, а хозяйка. Даже когда я уеду, на тебя будут смотреть и наши, и местные, как на светлого ангела, и радоваться, что у них такое дивное существо...

Она вскрикнула, не слушая:

– Ты уедешь?

– Ну а как же? – сказал я досадливо. – Мужчины всегда уезжают по делам. Потом возвращаются с мамонтами на плечах. Я уеду, потом вернусь, потом снова уеду... поняла?

– Не поняла, – сказала она отчаянным голосом. – Зачем тебе уезжать?

– Потому что я человек, – объяснил я. – А это такая птица без перьев и с плоскими ногами. Вы, эльфы, сидите в своих гнездах, неважно – в лесу или в прекрасных горных дворах, а мы, люди, постоянно что-то ищем на просторах и все-

гда забираемся все дальше и глыбже... Так что принимай этот мир таким, какой есть, ты сама решилаась заменить Мухтара.

– Мухтаэля!

– Ах да, Мухтаэля. Не упади, здесь ступенька...

За нами неотступно ходит охрана, прежнюю стражу дворца, как внешнюю, так и внутреннюю, Альбрехт сменил сразу же, поставив везде армландцев, эти так горды своим лордом, что их ничем не подкупить.

Пришлось заодно убрать и всех слуг, вместо них худо-бедно управлялись сами солдаты, но с другого дня набрали уже из местных, что счастливы из бедности сразу скакнуть во дворец и будут держаться за свои хлебные места когтями и зубами.

Еще в первые же минуты пребывания во дворце, когда на входе только стражи, крепкие ребята с копьями в руках, а еще и видимый мне в тепловом спектре незримник, что просматривает всех входящих, как догадываюсь, с помощью всех амулетов, свисающих с него целыми гирляндами, я остановился и развернулся к сопровождающим меня лордам и военачальникам.

– Не будем тянуть, – сказал я громко, – собрать наши лордов и пригласить – именно пригласить! – графа Чарльза и тех истанвилцев, кто не захочет пропустить зрелище, о котором можно будет рассказывать внукам.

– Ваше высочество?

– Коронацию, – объяснил я, – а также кое-что еще.

Альбрехт бросил на меня быстрый взгляд, но промолчал, хотя упоминание о сюрпризе не дает ему покоя. Хотя бы тем, что раньше от него тайн не было. Ну, так он считает, наивный.

Полдня я провел снова в лагере, встретился с главнокомандующими: Меганвэйлом, Шварцкопфом и Будакером, пригласил их на коронацию, войска велел теперь рассредоточить по герцогству, особенно обращая внимание на крепости и большие замки, где могут скапливаться вооруженные отряды все еще противника.

– Нас столько, – объяснил я, – что мы в состоянии перекрыть все дороги и даже тропинки. После коронации нужно побыть с недельку в полной боевой готовности, а потом можно будет и вложить мечи в ножны.

Меганвэйл, очень довольный великолепной воинской операцией, когда сражений практически нет, а захватываем богатые города и крепости бескровно, спросил беспечно:

– А что может случиться после коронации?

– Могут быть недовольные, – ответил я уклончиво.

– Вряд ли, – ответил он с той же несвойственной для него легкостью, – вы все предусматриваете!

Он и явившиеся с ним на встречу со своим лордом, которого они настойчиво выдвигали в короли Варт Генца: Арнубернуз, Фрондин, Буркгарт, Хельмут, Габрилас, Елиастер, Фитцуильям – все смотрят так, словно у меня все решено на сто лет вперед и все камешки с дороги я уже убрал.

После ожесточенной войны с Турнедо, когда бои шли тяжелые, а получили в результате так мало, в то время как армландцы под моим руководством зацапали даже столицу, все теперь снова убедились, что под знаменем такого хитрого лиса можно малыми усилиями получать очень много.

Города, с которым подходили наши войска, поспешно откупались богатыми дарами и выплачивали золотом содержание оккупантов, выговаривая только одно: в города входят лишь военачальники, а простые солдаты, что могут разнести город и устроить резню, остаются в лагерях.

Дары пересылали мне, я благодарил и щедро распределял их среди высшего состава лордов, что вызывают их непрекращающийся восторг.

Собственно, я старался, полубовавшись золотыми кубками и всякими изделиями из серебра и золота, возвращать тем же, кто их прислал мне. Так и справедливее, и меньше будет желание что-то утаить от дележа.

Простые солдаты тоже в восторге: не война, а прогулка, а то время как жалованье получают в удвоенном размере, будто каждый день сражения.

Вернулся я поздно, а когда поднялся на этаж и прошел по узкому коридору, где так хорошо держать оборону, там уже расположились гиганты в доспехах гномьей работы: розовощекий великан Умальд, Йомильд, Динальд, Лионель, Хрурт и Ульман, а распоряжается всеми сэр Переальд, указывает кому где стоять, распределяет очередность дежурства и отдыха.

– Ваше высочество...

– Ваше высочество...

– Ваше высочество...

Я повернулся к ним и сказал сердито:

– Для вас, морды, я сэр Ричард!.. Хрурт, Ульман – вам не стыдно? Мы же друзья еще с Амальфи, когда я был безбаннерным!

Они заулыбались виновато, а Переальд развел руками:

– Сэр Ричард, все верно, однако...

– Что?

– Не мешает, – ответил он с улыбкой, – проверять... не изменилось ли что?

– Ну-у...

– Ладно-ладно, – сказал я, – кстати, что-то сэр Растер давно не попадался на глаза. Передайте, что жду у себя. Ах да, еще и сэра Паланта!

Едва я переступил порог, из кресла подхватила Лалаэль, я не успел хрюкнуть, как это пищашее небесно чистое существо оказалось у меня на груди в прямом смысле, то есть и задние лапки поджала, повиснув, как на дереве.

– Ты что так долго?

Я изумился:

– Долго? Так для эльфов год – час!

– Я живу среди людёв, – напомнила она.

– Людей, – поправил я.

– Но ты же говоришь «людёв»?

Я пояснил сердито:

– Мало ли что говорю. Это я так, выпендриваюсь. Или не выпендриваюсь... не знаю. Есть хочешь?

Она пропищала возмущенно:

– Что ты сразу есть? Я что, котенок, которого подобрал по дороге?.. Я дочь Верховной Жрицы!

– Ага, – сказал я, – значит, есть не будешь. Ну а я проголодался.

Она смотрела, как на столе появляются ломтики нежнейшего сыра, но как только я протянул к ним руку, ловко выдернула у меня прямо из-под пальцев всю стопку.

– А себе еще сделаешь, – сказала она победно.

– Неужели и среди эльфов есть воруги? – изумился я. – Всегда казалось, что эльфы – само благородство.

– Это просто игра, – возразила она с достоинством. – Воровать мы учимся у людёв... людей, но все как-то не получается.

В коридоре раздался топот, дверь приоткрылась, заглянул вполглаза Хрурт.

– Сэр Растер прибыл, – доложил он. – Впустить или гнать в шею, если вы передумать соизволили?

– Впустить, – велел я.

Появление сэра Растера я услышал, когда он поднимался еще по лестнице, приближение его к дверям моих покоев было подобно малому землетрясению, донеслись протестующие голоса, звон металла, и в комнату вошла, повернувшись боком, иначе не вдвинуться, гора железа, на которой висело двое стражей.

Непомерно громадный в своих боевых доспехах, что массивнее любых турнирных, он шагнул в комнату; мне почудилось, что пол под ним потрескивает, как молодой лед..

Лалаэль ойкнула и спряталась за меня, Растер хоть и без шлема, но от этого выглядит еще свирепее: голова квадратная, цвета гранита, черты лица грубо вырублены топором и зубилом, никакой тонкой отделки, нижняя челюсть напоминает гранитную глыбу.

– Сэр Растер, – поприветствовал я его довольно.

– Сэр Ричард, – сказал он.

– Сэр Растер, – обратился я к нему строго и торжественно, – мы люди войны и боевых труб, так что я к вам без мерехлюндий и флажолетов всяких, недостойных мужчин...

Он проревел таким густым голосом, что Лалаэль крупно задрожала за моей спиной:

– Я польщен, сэр Ричард!

– Мы – победители, – продолжил я. Растер при этих словах выпрямился и еще больше выпятил широченную грудь, на которой две-три расплющенные в виде доспехов наковальни. – И как победители изволим закрепить победу и показать местным, кто здесь кто!..

Он довольно крякнул.

– Надо это почаще...

В коридоре послышались торопливые шаги, затем приоткрылась дверь, Хрурт спросил:

– Сэр Палант?

– Впусти, – велел я.

Палант вошел, поклонился и застыл, но я махнул рукой на церемониал, здесь все свои, продолжил, обращаясь к Растеру:

– Дорогой друг, на вас возлагаю ответственнойшее задание, потому жалую вас титулом обербургграфа. Это чуть ли не единственный титул, что я пропустил на своем многотрудном пути!.. Даже жаль, но, увы, жизненный путь не переделать, как бы нам ни хотелось!.. Хотя нет, есть еще титул, которого я не познал... им я жалую сэра Паланта... Поздравляю вас, сэр Палант с титулом ландхофмейстера!

Они оба смотрят несколько ошалело, чем-то похожие, недаром Растер считает Паланта своим лучшим учеником, кроме меня, разумеется,

Палант, более быстрый, пролепетал:

– Ваше высочество?

– У вас обоих, – сказал я, – особая роль в церемонии коронации! Вы, сэр Растер, будете стоять с моим мечом, а вы, сэр Палант, с державой. Постарайтесь не ржать, мероприятие серьезное.

– Ваше высочество...

– После коронации, – продолжил я строго, – буду раздавать пряники. Так что смотрите не осрамитесь. Главное, быть серьезными!.. И бабам не подмигивать, на это будет время потом.

Палант пробормотал:

– Спасибо за великую честь, но... лядей не разберут, пока мы там будем стоять?

Растер мощно рыкнул с укором:

– Палант, как не стыдно, у тебя же в лапе будет держава!.. Ну, хочешь, дам меч поддержать?.. Нет, поддержать не дам, но посмотреть дам!

С грохотом, словно по коридору пронесся подкованный конь, вбежал Хрурт.

– Ваше высочество! – прокричал он, отсапываясь. – Тьфу, сэр Ричард! Я подумал, вдруг вам интересно...

– Что? – спросил я, раздраженный долгими предисловиями. – Говори сразу!

– Отец Дитрих прибыл!

Я охнул и, вытолкав свежеиспеченных обербурграфа и ландхофмейстера в коридор, – все, свободны, – оставив и эльфийку без прикрытия, выбежал наружу и промчался по всем лестницам к выходу.

Во дворе две повозки, из одной уже вышли священники и суетятся возле второй. Оттуда выбрался, кряхтя и щупая поясницу, отец Дитрих.

Его подхватили под руки, повели к дворцу, но я набежал навстречу со счастливым воплем:

– Отец Дитрих!..

Он остановился, я бережно взял его за пальцы и смиренно поцеловал.

– Сын мой, – сказал он со вздохом, – что ты творишь? Мне пришлось все оставить в спешке...

Я спросил встревоженно:

– Что-то случилось?

Он прервал:

– Ты знаешь, что случилось. Пойдем к тебе, поговорим. Думаю, ты уже прибрал к рукам и этот дворец?

Я ответил смиренно:

– Хорошо, передам под церковь.

Он вздохнул.

– Такой вертеп? Даже тебе в нем опасно для твоей неокрепшей души. Или наивно считаешь, что тебе уже все по плечу?

Мы прошли в сопровождении охраны во дворец, а оттуда прямо в покои герцога. Я заботливо придвинул кресло отцу Дитриху, ныне архиепископу Сен-Мари, но в то же время и верховному инквизитору, помог опуститься.

Он бросил быстрый и внимательный взгляд на замершую в испуге эльфийку, тень странной печали промелькнула в глазах, но ничего не сказал.

Слуги внесли еду и вино, я лично налил в золотой кубок и придвинул дорогому гостю. Отец Дитрих взял замедленным движением, в задумчивости посмотрел в чашу.

– Пожалуй, – проговорил он медленно, – я так устал, что не откажусь от кофе.

Я поперхнулся, закашлялся, переспросил:

– Кофе?.. Чашечку?

– Можно чашу, – ответил он. – Не слишком большую, а так... среднюю.

Глава 4

Я собрал хаотично разбегающиеся мысли, сосредоточился, перед священником сгустился воздух, медленно образовалась простая глиняная чаша размером с кружку. Черный кофе едва не переливается через край, терпкий аромат с размаху ударил в ноздри.

Отец Дитрих взял обеими руками, явно грея ладони, отпивал мелкими глотками и смотрел на меня поверх чаши усталыми глазами, но взгляд был тревожен и ясен.

– Отец Дитрих...

Он прервал:

– Твою хартию я читал, читал. Я все читаю, что печатается в нашей типографии, а этот манифест просто изучил. Потому и поспешил прибыть.

Я спросил встревоженно:

– Что-то не так?

Он покачал головой.

– Церковь целиком за, я уверен, подпишется под каждым словом. Я уже отослал пару экземпляров в Ватикан. Но, сын мой, на тебя и так уже обратили внимания многие весьма влиятельные силы. А теперь тебе придется вообще... не просто.

– Какие мягкие слова подбираете, – сказал я. – Как будто до этого было просто!

– Просто, – ответил он. – Совсем просто. А вот теперь твоя жизнь превратится в ад.

Я воскликнул, шокированный:

– Отец Дитрих! Вы такие слова употребляете!

– Какие? – спросил он с интересом.

– Нецерковные!

Он сказал мирно:

– Архиепископом проще стать, чем святым. Своей хартией ты задел слишком многих... Отдачу получишь не сразу, а вот приказ устранить тебя уже отдан.

Я охнул.

– Устранить? Я думал, только я такое словцо употреблял. Ах да, наша кроткая церковь не приемлет даже слово «убийство»...

Он поморщился.

– погоди, давай о тебе. Со мной семь монахов, они возьмут на себя защиту твоего дворца. Нет-нет, твои охранники останутся, но у монахов другое оружие. Они почувствуют любые проникновения с помощью магии и сразу же нейтрализуют.

Я спросил тревожно:

– Кто хочет моей гибели?. Король Кейдан?.. Или король Вендоваера?

Он коротко усмехнулся.

– Ты сам недооцениваешь свою мощь. Помимо десятка королей ты встретил различные тайные культы, что держатся старых взглядов. Ты разозлил многих магов, а после оглашения манифеста добавятся и могущественные лорды. А они, как ты уже давно понял, сильнее королей. Их сотни.

Волны холода охватывали меня с головы до ног и проникали в сердце. Я заставил себя держать голос ровным, когда проговорил через силу:

– Я не отступлю. Ибо прав зело.

Он не отрывал от меня испытующего взгляда.

– Ты прав, даже более чем прав. Словно сам Господь подсказал тебе слова этой хартии, пронизанной от начала и до конца милосердием и добротой...

Я поморщился: не люблю, когда меня называют добрым, я все еще не вышел из дурацкого возраста, когда играют за темных, а самые тупые из нас мечтают быть похожими на бандитов. А я хоть гений и красавец, но дурь из меня иногда вылезает сама по себе и каркает во все воронье горло, за что потом бывает стыдно... через несколько лет, если вспомню.

– Отец Дитрих, – пробормотал я, – вообще-то я больше забочусь об экономической оставляющей. Свободные люди работают всемеро больше рабов, вчетверо больше крепостных и втрое – чем подвластные местным лордам. Свободные вообще жилы рвут! Я просто стараюсь, чтобы на каждого человека в королевстве приходилось больше произведенного продукта. Тогда и он будет богат, и я... получу в виде налогов больше.

Он смотрел исподлобья, лицо не изменилось, хотя внутри, полагаю, поморщился. Я должен бы хотя бы из вежливости сказать о страстной жажде принести людям добро, свет и щасте.

– Хорошо, – сказал он, – монахи, с твоего позволения, сейчас осмотрят дворец и перекроют святыми молитвами все ходы-выходы, в том числе и те, о которых ты и не подозреваешь.

Я пробормотал:

– Есть слух, что некоторые злодеи могут ходить вообще сквозь стены...

– Могут, – ответил он, ничуть не удивившись, – но эти люди после молебна моих людей войдут в стену и... там останутся. Очень простая молитва. Да и вообще это опасная способность для того, кто к ней прибегает. В стене долго быть нельзя, внутри стен путешествовать тоже... Нет-нет, есть куда более надежные способы проникновения в любую защищенную крепость или покои. Так что монахам не препятствуй, сын мой. Хотя, зная твой бунтарский нрав, я велел некоторым оставаться незримыми.

Я спросил настороженно:

– Даже от меня?

– У них обет молчания, – сообщил он. – Кстати, твою коронацию проведу я.

Я вскрикнул обрадованно:

– Отец Дитрих!.. Наконец-то не самозванное нечто, а действительно легитимное!

Он усмехнулся, покачал головой.

– Это всего лишь титулы. Но, ты прав, пока они властвуют над людьми, мы будем их использовать. У тебя, как я понимаю, все готово?

– Тороплюсь, – признался я. – Вернее, спешу. Так много еще надо делать!

Он кивнул.

– Народ уже созвал?

– Велел пригласить, – сообщил я. – К обеду должны собраться.

Он прислушался к говору за окнами.

– Тогда пойдем.

В большом зале отдельной группой держатся высшие и верховные лорды: графы Альбрехт, Клемент, Меганвэйл, Арнубернуз, Фродвин и Буркгарт, бароны Будакер, Хельмут, Бредли, военачальники Габрилас, Елиастер, Фитцуильям, Бэрбоун, Харли Квинн и Джижес Крейст; отдельной группой держатся военачальники скарляндской армии: Шварцкопф, Ханкбек, а также практически все вожди

племен, а вон те немногие из турнедцев, что здесь, а не с рейнграфом Чарльзом Мандершайдом и стальграфом Филиппом Мансфельдом... Они практически смешались с армландцами, помнят, что отныне их армии едины.

Дальше всех от трона оказались барон Джижес Крейст, виконт Кэвин Майкл, барон Уильям Ланкашнер и остальные шателленцы, прибывшие на мой зов.

Эльфийка, едва не падая на каждом шагу в обморок от ужаса, шла со мной рядом, мелко-мелко перебирая задними лапками, в церемонном платье принцессы, золотые волосы туго заплетены в косу, получилась толще руки взрослого мужчины, вся переплетена лентами, это имитация целомудренного платка, туфельки служанки подобрали ей на самом высоком каблуке и полдня учили ходить, не падая и не хватаясь за стены.

Ноги ступают по красным коврам, проложенным длинной дорожкой под сень роскошнейшего балдахина, воздух наполнен ароматами ладана, везде блеск золота, как от украшений стенах, так и от богатых одежд, где золотые цепи и бляхи выставлены напоказ.

Под балдахином блистают роскошью богато инкрустированные серебром и золотом два трона, которые с удовольствием присвоил бы даже император.

Вообще-то я собирался короноваться в одиночку, но когда увидел, что их два, то сразу же пришла дикая идея: а почему нет? Пока меня ангелы с рогами будут носить по свету, здесь продолжит сидеть принцесса Лалаэль. И лордам приятнее преклонять колена перед безумно красивой трепетной эльфийкой.

Когда подошли к трону, я тихо прошепел:

– Садись.

Она шепнула в ответ:

– А ты?

– Садись, – прорычал я шепотом, – а то удавлю.

Она испуганно села и выпрямила спинку, от страха не решаясь смотреть в зал, а устремила взгляд вверх голов, что вообще-то правильно, это настоящий королевский взгляд.

Я сел в свое кресло, напомнил себе, что эльфийке кто-то должен преподать правила этикета.

Справа от наших кресел встал сэр Растер, теперь обербургграф, в руках церемониальный меч, а слева – сэр Палант с державой на ладони, для этого случая возведенный в ландхофмейстеры, и, как я понимаю, это одноразовая в моем случае должность к нему прилипнет и будет сопровождать всюду под хаханьки друзей.

В двух шагах от него выстроились особо благородные лорды, то есть командующие моих армий, а все остальные заняли зал и вдали стоят в проходе. Арнубернуз, что от щедрот души тоже помогал с церемонией, сообщил вчера насчет четырех тысяч людей благородного сословия, которые придут на коронацию.

Я указал распорядителю на группу шателленцев и велел подвести их ближе, они – добровольцы, а такие люди всегда выше получающих жалованье.

Граф Ланкашнер поклонился издали, благодаря за мой великодушный жест. Остальные сняли шляпы и склонили головы, дескать, польщены высоким вниманием и такой оценкой их побуждений. Молодцы, все поняли правильно.

Еще я зорко углядел в глубине зала ламбертинцев лорда Джонатана Гилфорда, лорда Унгвуда Маутбеттена, герцога Блекмора, лорда Камберлендского и графа Чарльза, эти просто пришли посмотреть на коронацию, но я велел Хрурту со всем почтением пригласить их в передний ряд почетных гостей.

Я уселся на трон, хотя интронизацию еще не прошел, пропустим еще и обряд венчания на власть. Это в других странах, более благополучных, коронацию приурочивают к весне или к лету, а здесь нужно сразу, герцогство не может существовать без властелина законного, утвержденного церковью. Здесь некоронованный – это незаконный, безблагодатный и нелегитимный, которому подчиняться вовсе не обязательно, даже совсем наоборот...

Отец Дитрих, наскоро облачившись в празднично-парадные одежды, вышел из боковой двери, за ним потянулись прибывшие с ним священники, все молодые, «юноши бледные со взором горящим», настоящие подвижники даже по виду, как только отец Дитрих ладит с такими фанатиками при их бросающейся в глаза бескомпромиссности...

Я ждал, сидя на троне и не двигаясь. Альбрехт, ехидно улыбаясь, сообщил шепотом, двигая одной стороной рта, что меня ждет обязательная подбитая горностаем мантия из золотой парчи с вышитыми львами, жезл, бриллиантовая корона, а теперь добавились еще и знамя Ламбертини, меч Победы с уникальной рукоятью, сделанной лучшими ювелирами герцогства, в наверху огромный рубин дивной чистоты, посмотрите, ваше высочество, каким мрачным и победным огнем горит, и алмазная цепь с огромным медальоном.

– Ничего, – шепнул я, – вот возьму в руки и отыграюсь. На вас.

Серебряно протрубили трубы, в зал вошли распорядители и знатоки церемониала.

Хор мальчиков красивыми детскими голосами, чистыми и невинными, запел что-то церковное, явно псалом, как мне сказали почтительно, сотый, вот уж не думал, что их столько и что эта тягомотина – псалом, затем отец Дитрих взял с подноса корону с бриллиантами.

Я с неприязнью смотрел на это произведение искусства, с мужской точки зрения такое же бесполезное, как накладные ногти у женщин или стрижка пуделя. Корона из твердого золота и четырехсот сорока четырех камней, как мне сообщили шепотом, весит пять фунтов, я нехотая вспомнил, что из-за такой вот тяжести королева Виктория и Эдуард VII отказались от таких вот «правильных», опасаясь за свои шеи, их короновали обоим сильно облегченными, но у меня шея крепкая, да и разгуливать в таком уборе не планирую...

Отец Дитрих прочел вдохновенную проповедь, после чего приблизился ко мне сбоку с короной в руках. Я смотрел прямо перед собой в зал, там около четырех тысяч человек, половина из них – ламбертинские лорды и знатные люди, к голосу отца Дитриха прислушивался слабо, все равно мне раскрывать рот пока нельзя, но когда он заканчивал речь, я поднял руки, властно взял корону из его дрогнувших от неожиданности пальцев и надел себе на голову.

В зале прокатился говор, иные из моих лордов прячут улыбки, но гордо расправляют плечи, мой жест говорит многое.

Отец Дитрих опешил лишь на мгновение, но договорил ритуальную фразу так же торжественно и тем же размеренным голосом, после чего перекрестился, а хор по знаку церемониймейстера дружно грянул «Аллилуйя!».

Я дождался, когда прозвучит последняя нота, красивая и торжественная, поднялся, красивым жестом откинул горностаевый плащ за спину.

– Дорогие друзья, – сказал я громко. – Когда говорю о друзьях, я включаю в их ряды и ламбертинских лордов... как всех честных и достойных людей герцогства!.. Я приготовил для вас щедрый подарок, которому вы будете рады, не сомневаюсь... Но сперва закончим с церемонией.

Из толпы собравшихся ламбертинцев вышел горд преклонил колени и сказал ясным голосом:

– Я, граф Дэниэл Чарльз, лорд Кандорска и Святой Пустоши, приношу присягу верности принцу Ричарду и клянусь соблюдать его интересы, как и свои! Да покарает меня Господь, если я нарушу свое слово, да буду я окружен всеобщим презрением!

– Прекрасно сказано, граф, – обронил я милостиво, – ваши слова говорят о вас как о человеке чести и благородства. Да будут они примером для остальных жителей герцогства! Со своей стороны клянусь защищать и охранять ваши права, как свои собственные, да будет Господь тому свидетель.

Он поцеловал мне руку с перстнем и вернулся к ламбертинским лордам, а они выходили один за другим и повторяли с незначительными вариациями сказанное лордом Чарльзом.

Я наблюдал внимательно: большинство приносят присягу искренне, все-таки герцог запятнал себя недостойным обращением с леди Ротильдой, но это бы простили, если бы принесло успех, однако низложенная королева проявила редкое упрямство, а этот сэръ Ричард, хоть и находится за двумя королевствами, внезапно ощутил себя слишком оскорбленным, чтобы стерпеть такое обращение даже с временной супругой.

Но последнее, что отвратило лордов от герцога, это его неумелые переговоры со мной, а потом постыдное бегство. Почти все сочли, что это освобождает их от клятвы верности, а раз так, то имеют полное право принести ее мне, более могущественному и удачливому, а теперь еще и получившему из рук архиепископа корону принца.

Да еще как получившему! Думаю, слух о таком жесте будет передаваться по герцогству от рыцаря к рыцарю и даже проникнет в простой народ, и каждый поймет, что с таким правителем и они будут сытыми и богатыми, а кто пойдет против – быстро лишится головы...

Отец Дитрих совершал миропомазание, мощно запахло елеем. Донеслись мощные удары в колокол, тут же по всему городу подхватили другие, помельче, а потом зазвонили и за его стенами, оповещая о великом событии: отныне герцогство повышается в ранге, а еще обещано, что станет вообще королевством.

В зале прогремели фанфары, а еще резко и торжественно с какого-то перепугу простучали военные барабаны и отгрохали свое литавры.

Сэр Ульрих наклонился к моему уху.

– Ваше высочество, – сказал он и быстро облизнулся, – сейчас на площади начинается гулянье. Народ угощают жареными быками, начинёнными курами и утками!.. А сэръ Альбрехт разбрасывает горстями серебряные монеты в толпу.

– Хотите сбегать? – спросил я шепотом.

– Хочу, – сообщил он. – Но не пойду. Вдруг тут дадут больше?

Я одарил его недовольным взором, поднялся. Сэр Палант подал на золотом подносе малую корону.

Уже будучи принцем, я сам совершил предусмотренный законом упрощенный до предела обряд над эльфийкой, попросту надев на нее корону поменьше и велел взглядом сидеть и не пикать.

Все ждали, глядя на меня неотрывно, а я произнес громко и властно, как диктуют принявшие на себя полномочия:

– Сэр Палант, подайте сюда мою хартию!

Он протянул мне рулон, перевязанный красной лентой и скрепленный печатями.

Я принял, не отрывая взгляда от собравшихся в зале, и, пока пальцы срывали печали, сказал с воодушевлением:

– Это Магна Чарта! Великая Хартия Вольностей!.. Отныне это будет основополагающим документом для всего, что вам взбредет в безумно мудрые головы!.. Это установления законности, правопорядка и гарантии личных прав и свобод населения. Под населением имеются в виду не только люди благородного сословия, но и все-все, исключая женщин, детей и сумасшедших.

Глава 5

У всех вытянулись лица: как-то привычно ожидается шумный и бестолковый пир, когда можно долго и бездумно пить и есть в три горла, веселиться, слушать песни и самому орать их, а тут какие-то новые законы...

– Зачем это нужно? – спросил я. – Все вы, наверное, знаете недавний случай, когда ваш ламбертинский барон Капотенд хотел занять у старейшины гильдии кожевников денег, но тот отказал, сославшись на трудные времена. Барон велел схватить кожевника и бросить в личную тюрьму, где каждый день вырывал у него по зубу, пока несчастный не согласился продать все свое имущество и отдать деньги барону...

Все молчали, только граф Дэниэл Чарльз, теперь уже мой лорд и мой подданный, ответил осторожно:

– Ваше высочество, тот случай вызвал недовольство у знати. Барону указали, что так поступать нехорошо даже с простолюдинами. Мы все, как говорит церковь, должны быть добрее...

Я перебил зло:

– Добрее?.. В законности нет ни добра ни зла – закон должен быть выше! Я, когда узнал про выходки этого барона я велел схватить его и повесить на воротах его же замка!

Все охнули и застыли, глядя на меня выпученными глазами.

Я прорычал люто:

– Что?.. Это было месяц тому?.. И закон не имеет обратной силы? Да, все верно, не имеет. Это был единичный случай, просто для наглядного примера, а то многие как-то не понимают даже простые вещи!.. Отныне закон будет равен для всех!.. Мастерской не смеет оскорблять ни словом, ни действием знатного лорда, но и лорд, даже самого высокого ранга, не смеет оскорблять человека даже самого низкого звания!.. По крайней мере, без веских на то оснований. Иначе тот имеет полное право обратиться в суд... Об этом отдельный разговор, я потом объясню, что такое суды присяжных. За соблюдением всех правил, и чтобы лорд не мог надавить своей властью на бедняка, проследит моя нехилая оккупационная армия!.. Итак, лорд Палант, прочтите все пункты Великой Хартии Вольностей!.. И да возьмет дьявол душу того, кто посмеет ее нарушить!

Палант развернул рулон и начал читать громко и важно, явно гордясь честью, выпавшей на его долю:

– Я, Ричард Длинные Руки, Божьей милостью принц Ламбертини, эрцфюрст Варт Генца, рейхсфюрст Скарляндии, маркграф архипелага Рейнольдса...

В зале слушают так, что стараются не пропустить даже шелест бумаги, когда Палант проворачивает свиток.

Титулов много, но я нарочито перечислил их все, ибо то множество, что раньше смешило, – все дураки обожают постебаться, на самом деле передают

мощь и величие того, кому принадлежат, потому я перечислял добросовестно, ничего не забыл, упомянул даже свои замки в Амальфи и владение Ганслегера, лишь про маркизат Черро умолчал по понятным причинам.

В зале никто не шелохнется, а голос разносится всюду, отражается от стен и возвращается слабым эхом, создавая объемность.

Все слушают внимательно и стараются не пропустить ни слова. Никто не знает, кроме отца Дитриха и ряда монахов, что уже отпечатаны и готовы к развозу по городам эти манифесты. Я старался, но не сумел уместить на одной странице, так как это не Закон, а некий акт, на основании которого и будут приниматься многочисленные законы.

Закончив с титулами, Палант долго перечислял, как принято по формуле, что адресовано это архиепископам, епископам, аббатам, графам, баронам, юстициариям, чинам лесного ведомства, шерифам, бэйлифам, слугам и всем должностным лицам и верным своим, хотя можно бы просто «народу» или «населению», но не поймут, обидятся.

– Знайте, – читал он напористо, – что мы по Божьему внушению и для спасения души нашей в честь Бога и для возвышения святой церкви и для улучшения жизни по совету достопочтенных отцов наших отца Дитриха, Сен-Маринского архиепископа, примаса всей Армландии, Турнедо, Варт Генца, Скарляндии отца Тибериуса, настоятеля монастыря цистерцианцев...

Я не случайно в первую очередь перечислил духовных лиц и всячески подчеркивал, что Великая Хартия Вольностей – это воля и желание самой церкви, и кто воспротивится, тот воспротивится самой церкви, а уж потом мне, а я за церковь кого угодно порву, как Бобик тряпочку...

Затем Палант долго и усердно перечислял благороднейших лордов, в присутствии которых оглашена эта хартия, тем самым как бы зачисляя их в мои соавторы, мол, раз не спорят и не орут «Долой!», то они целиком «за».

Вообще-то они и в самом деле «за», Хартия касается только герцогства Ламбертини, на которое я пылаю праведным гневом за вопиющее нарушение законов... Ну, хотя герцог вроде бы ничего не нарушил, кроме общего Божьего закона, а также рыцарского Устава быть защитником женщин, но разве это не должно вызвать гнев всякого, кто считает себя рыцарем?

Я слушал внимательно и как бы со стороны, все-таки первый пункт Хартии я в самом деле нагло содрал из той первой, которую принял король Иоанн, названный герцогом Мальборо, лордом Уинстоном Черчиллем в своем труде «Рождение Британии» сообразительным, терпеливым и проницательным.

Там было сказано:

«Во-первых, дали мы перед Богом свое согласие и настоящей хартией нашей подтвердили на вечныя времена, чтобы церковь была свободна и владела своими правами в целости и своими вольностями неприкосновенными, что является из того, что свободу выборов, которая признается важнейшей и более всего необходимой церкви, мы по чистой и доброй воле пожаловали и грамотой нашей подтвердили и получили подтверждение ее от папы Бенедикта Четвертого, которую и мы будем соблюдать, и желаем, чтобы ее добросовестно на вечныя времена соблюдали».

Палант читал громко и торжественно:

– Вдова после смерти мужа своего немедленно же и без всяких затруднений пусть получает приданое и свое наследство и пусть ничего не платит за свою вдовью часть или за свое приданое, или за свое наследство, каковым наследством муж ее и сама она владели в день смерти мужа, и пусть остается в доме своего

мужа в течение сорока дней после смерти его, в течение которых ей будет выделена ее вдовья часть.

Никакая вдова не должна быть принуждаема к браку, пока желает жить без мужа, так, однако, чтобы представила ручательство, что не выйдет замуж без нашего согласия, если она от нас держит, или без согласия своего сеньора, от которого она держит, если она от кого-либо другого держит...

Эльфийка едва не падала в обморок от всего пережитого, я кое-как довел ее до наших покоев, держа почти на весу, а там она рухнула в кресло и смотрела бессмысленным взором, как на меня насел обиженный Бобик, оскорбленный до нельзя, что его заперли на это время, а потом ринулся на нее и, как ни пищала и ни закрывалась, ухитрился облизать ее мордочку.

– Что это было? – пискнула она, когда Бобик отстал, попрыгал вокруг нас и лег.

– Это Бобик, – пояснил я.

Она сказала обиженно:

– Ты что, считаешь меня совсем дурой?

– Считаю, – признался я. – А что, разве ею быть плохо?

– Не знаю, – ответила она с великим достоинством, – не была ни разу. Что там происходило? Зачем эта тяжелая штука у меня на голове?

Я бережно выпутал корону из быстро распускающихся, как цветы под теплым солнышком, волос, положил на стол.

– Отныне ты, – пояснил я, – принцесса. Хотя по статусу ты и так принцесса эльфов, если сделать поправку, у вас же Верховная Жрица правит наравне с королевой? Но королевы у вас нет, а Верховная Жрица – есть. Так что ты, как эльфийская принцесса, обрела еще и аналогичный статус у людей. Людём, как говоришь...

– Это не я, это ты говорил!

– Ну я, – согласился я. – Должен же я, как политик, перекладывать на других?.. Просто обязан. Это профессиональное. Теперь о твоём статусе... Я до конца еще не продумал, а если честно, вообще не думал, я больше по озарению, весь из себя такой озаренный и озаряемый вспышками гениальности, которую никто не понимает, да и сам только потом на лестнице понимаю... В общем, твой новый статус в качестве принцессы Ламбертини обещает громадные выгоды и преимущества по сравнению с... ну, с чем-то, еще не продумал, не до того. Я же говорю, у меня все на интуиции и постоянных вспышках, озарения, что раньше были всего раз в тысячу лет, а теперь уже раз в десять быстрее...

Разговаривая, я пытался сделать хотя бы чашку кофе, не получается даже с моей возросшей мощью и опытом, недостает сосредоточенности.

Эльфийка смотрела встревоженно, когда я внезапно оборвал себя на полуслове и уставился державно-тяжелым взглядом на стол, словно вижу гибель цивилизаций и уже принимаю меры.

Наконец появилась большая чашка с кофе, а на той стороне стола огромная вазочка с изящными воздушными шариками сливочного мороженого, украшенного свежими ягодами клубники, земляники и голубики, а еще дроблеными орешками.

Она тут же вылезла из кресла и подсела к столу. Я пил большими глотками и продолжал ломать голову, прикидывая, какая реакция будет в первую очередь, и где придется латать сначала, а где потом.

Вообще-то та, первая Хартия Вольностей, о которой я слышал в детстве, была направлена также и на ущемление прав короля, однако я такие абсурдные пункты включать в текст не стал.

За соблюдением правопорядка и законности кто-то да должен следить, так что я лишь расширил статьи о недопустимости ареста, о заключении в тюрьму, лишении владений, объявлении вне закона, изгнания или любого другого утеснения иначе как по приговору равных, то есть суда присяжных.

Массу отпечатанных в типографии Сен-Мари экземпляров гонцы на следующий день начали развозить во все концы герцогства, а там приколачивали на городских площадях на столбах и воротах городских управ.

Дверь распахнулась, на пороге появился сэра Переальд, взглянул сперва, как тут я, в безопасности ли, доложил мрачно:

– Сэр Бальдфаст Бредли, ваше высочество.

– Пропусти, – сказал я, – он по моему вызову.

Переальд отступил, через пару секунд порог переступил сэра Бредли. Дверь за ним захлопнулась.

Он не сказал, что стража у меня серьезная, даже не повел бровью, лишь поклонился по-военному коротко.

– Ваше высочество...

– Лорд Бредли, – сказал я нетерпеливо, – время поджидает, потому сразу к делу. Мы принесли в эти земли законность и справедливость. Но простой люд еще не готов к переменам, слишком уж внезапны, а лорды придут в ярость и попробуют оказать сопротивление...

Он смотрел исподлобья.

– Ваше высочество?

Я сказал жестко:

– Вы в Варт Генце умелыми и весьма быстрыми мерами предотвратили гражданскую войну, при которой горела бы вся страна, люди гибли бы сотнями тысяч, исчезали бы целые города...

Он не дал мне договорить, поклонился и сказал, не поднимая глаз:

– Я все понял, ваше высочество. Вы должны дать возможность простому населению осознать свои свободы и подготовиться.

– Именно, – сказал я с облегчением. – А до этого времени законность и порядок поддерживаем мы. Для нас здесь не существует неприкосновенных!..

Он снова взглянул исподлобья.

– Ваше высочество?

Я пояснил все так же властно и жестко, демонстрируя, что у меня сомнений нет, потому не должно их быть и у него:

– Графа, барона или простолюдина вздергивайте за неповиновение на одинаковой веревке и одинаково быстро. Чтобы не успели возмутить вокруг себя народ!.. Ввиду военного времени вы будете судьей, прокурором и защитником. Это относится не только к Истанвилу, но и всему герцогству. Даю вам все необходимые полномочия. Бумаги получите у сэра Альбрехта.

Он чуть вздохнул.

– Хорошо, ваше высочество. Исполню.

– Это не навсегда, – сказал я быстро. – Может быть, совсем недолго! Но от жестокой диктатуры и попиранья свобод лордов нужно отходить не раньше чем общество готово будет принять власть. Иначе все наши усилия будут напрасны.

Он выпрямился.

– Разрешите выполнять?

– С Богом, – сказал я. – Рассчитываю на вас, сэр Бредли. Рассчитываю.

Он поклонился быстро и коротко, тут же вышел. Слышны было в коридоре его четкие и уверенные шаги.

Я подумал, что против Великой Хартии Вольностей в принципе должны быть даже мои самые преданные сторонники из числа владетельных лордов.

До этого я рискнул только на одно-единственное нововведение, что тоже вызвало гнев и сопротивление: сбор налогов в государственную казну. И то решил только в так называемых покоренных королевствах: Сен-Мари и Турнедо, а затем, виртуозно используя угрозу гражданской войны, – в Варт Генце и Скарляндах.

Но в Армландии, где я сюзерен на общих основаниях, лорды по-прежнему собирают налоги со своих земель в свой карман, мне же ни копейки. Зато, если считают нужным, они поддерживают меня своими дружинами. Но могут и в любой момент собрать свои отряды и вернуться в Армландию, оголив важные участки фронта.

К счастью, я успел, хоть и в последний момент, с созданием королевской армии, которая подчиняется только мне. Но даже в Сен-Мари и Турнедо не могу ввести Великую Хартию Вольностей... Нет, могу, но все-таки придется преодолевать сопротивление тех лордов, что уже верно и преданно служат мне: Арчибалд Вьеннуанский, единственный сын могущественного лорда Чарльза Фуланда, сам герцог Фуланд, сэр Фридрих Рюккерт, Рудольф Герман Лотце, Людольфинг Фортестью, в Геннегау по ту сторону площади напротив королевского дворца роскошный особняк Фридриха Рюккерта, владетельного лорда, замок его в землях Алых Маков, в Геннегау собственный дом, при Кейдане был его приближенным, а сейчас верно служит мне, лорд Вильгельм Рошер, лорд Карл Людвиг Кнебель, Оскар Лаубе, лорд Бенедикт Карберидж, барон Френк Ховард, юный отпрыск знатного рода Холбергов, верховный лорд Джералд Бренан, очень богатый и могущественный землевладелец, лорд Джеймс Гарфильд, лорд Уильям Дэвенант и лорд Томас Фуллер, тоже из богатых и влиятельных родов, по своему могуществу и влиянию по-прежнему занимают высокое положение и оказывают заметное влияние на жизнь в Сен-Мари...

А как отреагирует герцог Вирланд Зальский, граф Устурийский, что владеет огромными землями на севере страны? С ним только-только начали складываться отношения, но при недовольстве мной он может уйти в свою неприступную крепость Аманье, к нему начнут стягиваться недовольные лорды с своими войсками.

Оживятся советники Кейдана – герцог Боэмунд Фонтенийский и герцог Алан де Сен-Валери, да и сам Кейдан может воспользоваться моментом.

Уж молчу про Ундерленды, что моментально объявят о независимости от Сен-Мари, а там лорды, что были моей опорой: сэр Грандерт, сэр Витерлих, Анри Готмар, Бовман, граф Биллун...

Нет, только здесь, в герцогстве. И все необходимые реформы проводить как можно быстрее и увереннее. Никто из местных лордов не должен и помыслить, что трушу и колеблюсь, что готов отступить, если вдруг решатся и сумеют выступить единым фронтом.

– Ты зачем такой злой?

Я вздрогнул, выныривая из воображаемых битв, вернулся в эти уютные покои сволочного герцога, – умел устраиваться, гад. Эльфийка уже дожрякала мороженое, перевела дух и тайком утащила у меня чашку с кофе.

Вообще-то я люблю смотреть, как она пьет. Смешно держит обеими лапками и осторожно отхлебывает, поглядывая на меня поверх нее настороженно, как зверек, готовый услышать «брысь» и метнуться в норку.

Я нарочито наливал ей по самый ободок, даже с горкой, так что лишь поверхностное натяжение не позволяет перелиться через край, и она осторожно вытягивает верхнюю губу, опуская ее, как бабочка в нектар, а на меня поглядывает сердито, догадываясь, что это такое жалкое людское издевательство над благородной эльфийской расой.

– Ты останешься здесь, – объяснил я. – Дворец не уступает королевскому, и в нем должен быть хозяин. Ты и будешь им.

Она подпрыгнула, едва не расплескав кофе.

– Я? Хозяином?

Я сказал великодушно:

– Так и быть, хозяйкой.

– А ты?

– У меня браслет Гонца, – объяснил я честно. – Из любого боя смогу прыгнуть сюда к тебе. Ты останешься как символ новой жизни для ламбертинцев!

Прекрасная эльфийка в роли королевы! Или герцогини, неважно. Хотя вообще-то уже принцессы. Все менестрели сразу начнут изощряться, кто круче балладу задвинет!

Она вскрикнула в ужасе:

– Я ничего не умею!.. Ты шутишь?

– Ничего и не надо, – утешил я. – Хуже, если бы что-то умела. Я им такую Хартию Вольностей всобачил, что всех заставит работать впятеро больше, но по их собственной воле. Так что скоро Совет будет собран действительно из умнейших, вне зависимости от их знатности. Они и будут руководить герцогством на всех уровнях. Ты пей, не отвлекайся. А я посмотрю на этот цирк.

– Страшно, – сказала она умоляюще. – Я лучше с тобой на коне.

– Низзя, – отрезал я. – И так уже начинают хихикать, что вожу ребенка с собой.

– Я не ребенок!

– А с виду? – спросил я. – Мужчины знают, что внешность женщины обманчива, но не хотят верить. Но я буду появляться сюда часто. А ты постепенно войдешь в курс.

В двери заглянул Переальд:

– Ваше высочество, к вам отец Дитрих.

– Проси, – сказал я.

Эльфийка боязливо затихла и отодвинулась. Когда дверь отворилась и вошел отец Дитрих, я поспешил навстречу, а Лалаэль смиренно поднялась и опустила глазки, как и передние лапки.